

В.П.Данилов,
доктор исторических наук.
Интерцентр

Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот?

"Шел в комнату, попал в другую..."
А.Грибоедов. "Горе от ума".

На протяжении последних лет неоднократно делались попытки обращения к теме об исторических корнях победы в 1917 г. и нынешнего поражения коммунизма в России. Чаще всего они не выходили за рамки политической публицистики и сводились к утверждению: "Большевики установили жесткую государственную диктатуру, которая рухнула под тяжестью собственной порочности. Теперь в России утвердилось демократия, и мы выходим, наконец, на пути истинной (рыночной) цивилизации..."

Для объективной оценки того, что произошло в бывшем Советском Союзе на рубеже 80—90-х годов, необходимо было время,

чтобы с достаточной ясностью увидеть характер и результаты происходящих сейчас перемен. Хотя современные реформы нельзя признать вполне необратимыми, они стали фактом российской жизни. Их социальные последствия проявились на практике со всей отчетливостью: Россия возвращается на стадию первоначального (примитивного) накопления капитала, которое 80—90 лет назад вызвало взрыв народной революции, привело к власти большевиков и создало советское общество. Вместе с этим Россия возвращается на пути зависимого развития, характер и степень которого еще не проявились в полной мере отчасти из-за объективно сохраняющегося на какое-то время военного потенциала, отчасти из-за незавершенности процесса приватизации экономики (отсутствие частной собственности на землю, прежде всего).

В первое время после 1991 г. говорить о происходящем в жизни было весьма затруднительно еще и потому, что торжествующая "демократия" не терпела критики в свой адрес и с порога объявляла ее "алармистской" (паникерской), поскольку речь шла о разрушительном характере постсоветских реформ и для экономики, и для социальных отношений, и для культуры. (Это очень наглядно проявилось на нашем первом симпозиуме в декабре 1993 г., где и родился термин "алармизм" как синоним русскому слову "паникерство".) Оказались практически изъятыми из употребления важнейшие научные понятия, введенные еще классической политэкономией. "Первоначальное накопление капитала" стали именовать словом "модернизация", снимая тем самым конкретность определения данного вида модернизации, его своеобразие и неоднозначность (о чем ниже мы еще должны будем поговорить). Правящий в обществе слой объявили "элитой". Понятие "класс" употреблялось только применительно к несуществующему "среднему классу". В настоящее время ситуация меняется- приватизация в основном завершилась, ее нагло-грабительский характер признан даже либеральной прессой и старые научные понятия вновь начинают занимать в литературе свое законное место. Это, между прочим, сделало возможным выступление с докладом на объявленную тему у нас дома, в России¹.

Обращаясь к судьбам советского общества, мы в настоящем докладе ограничиваемся возникновением и действием внутренних факторов, приведших к его гибели. Роль внешних факторов была, конечно, значительной и нарастающей с течением времени, однако до последних лет оставалась все же вторичной. Пожалуй, с августа 1998 г соотношение и взаимодействие внутренних и внешних факторов в жизни России изменилось, но к этому времени разрушение советского общества было практически завершено.

¹ Впервые доклад на эту тему был сделан мной в Риме 7 июня 1992 г на конференции, посвященной судьбам социализма.

Советское общество было создано великой социальной революцией в России начала XX в., в основе своей являвшейся крестьянской революцией, которая слилась с пролетарской социалистической революцией и подчинилась ее организованности и целеустремленности. К власти в стране пришли наиболее радикальные представители социализма марксистского толка — коммунисты, поставившие перед собой и обществом задачу прямого перехода к социализму и коммунизму в возможно более короткие сроки.

В литературе ведется обсуждение вопроса о явлениях архаизации в послереволюционной России, связанных и с возрождением общины в крестьянской среде, составлявшей 4/5 населения страны, и с установлением диктаторского правления одной политической партии, переросшей в диктатуру вождя. Рамки доклада не позволяют специально остановиться на этой дискуссии. Отмечу лишь, что общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества вплоть до самого последнего времени его существования. Он находил конкретное выражение прежде всего в системе ценностей и нормах поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи, в признании естественным существование различных форм общественной собственности. В духовном мире и ментальности российского общества и до революции, и тем более после не было той расколотости (вплоть до атомизации — полного обособления индивидов), которая характерна для обществ рыночной цивилизации. Этим было обусловлено восприятие идей социализма как воплощения естественных прав трудящегося населения.

Общинная система самоуправления практически совпадала с системой организации и функционирования местных Советов, являвшихся одновременно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти. Это в огромной степени облегчило повсеместное утверждение власти Советов. Наследие традиционного общества проявилось в характерном сочетании весьма разнообразных форм самоуправления и социальной защиты в низах (не только в местных Советах, но и на предприятиях, в культурных и научных учреждениях), с одной стороны, и авторитаризма в верхах — с другой. Революционная диктатура, осуществлявшаяся через систему Советов, не исключала местного самоуправления, по крайней мере, до конца 20-х годов, когда сталинская "революция сверху" превратила все органы власти в исполнительные органы командно-репрессивной диктатуры новой бюрократии.

Отсюда, однако, не следует, что система советов по своей природе не была способна к демократическому функционированию и развитию, что условием перехода к действительно демократической организации государства являлась ликвидация советов и введение парламентской системы по западному образцу. Если обратиться к демо-

кратической классике, то ее определения сущности демократии отнюдь не связаны с той или иной формой политического устройства. Одно из наиболее точных определений демократии было дано в 1860-х годах Авраамом Линкольном: "Вся государственная власть исходит от народа, осуществляется народом и в интересах народа" ("The government of the people by the people for the people").

История засвидетельствовала с достаточной убедительностью, что диктаторские режимы возникали и при парламентской организации государственной власти. Преимущества парламентской системы связаны с политической многопартийностью представительства населения, отражающей разнообразие интересов его основных слоев и групп. Однако и советская система не исключала многопартийного состава законодательных и исполнительных органов власти не только в 1917—1920 гг., но и в 1989—1994 гг. Ее замена президентско-думской

организацией государственной власти в результате расстрела Верховного Совета Российской Федерации 3-4 октября 1994 г. открывала путь не к "подлинной демократии", как об этом кричали тогда СМИ, а к установлению авторитарного режима, который не утвердился в полной мере по причинам чисто физиологического порядка¹.

В массовом сознании последнего времени проявилась тенденция к оправданию и даже прославлению сталинизма, и вызвана она ответной реакцией, во-первых, на разрушительный характер нынешних реформ и, во-вторых, на авторитарные устремления правящих ныне слоев. И.В.Сталину приписываются опять достижения советского общества, связанные с индустриализацией страны, с развитием науки и культуры, с мерами по социальной защите населения (всеобщая занятость, образование и здравоохранение, практически бесплатное жилье и т.п.), не говоря уже о победе в Великой Отечественной войне. В действительности — и это убедительно показано в литературе — все достижения советского общества были следствием мощного социалистического импульса, полученного в результате революции и на многие годы определившего направления и содержание экономического и культурного строительства, придавшего этому строительству характер народного подвига. Индустриализация страны, всеобщее образование и здравоохранение, мощный подъем науки и культуры, другие достижения советского времени были заложены не только в идеях, но и в практике уже первых советских лет. Они стали реальностью *не благодаря* стали-

¹ В рамках доклада невозможно конкретное освещение падения советского общественно-политического строя. Отмечу все же, что начало этого процесса в литературе связывается или с XIX партконференцией (весна 1988 г.), или с выборами "народных депутатов" и 1-м их съездом (весна 1989 г.). (См: Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 318—319, 328.) Важно совпадение обеих точек зрения в главном: слом советской общественно-политической системы был начат при горбачевском руководстве.

низму, а *несмотря на* препятствия и искажения, созданные сталинизмом. Больше того, происшедшее на наших глазах падение советского строя — непосредственное следствие сталинизма.

Можно по-разному относиться к социалистической устремленности советского общества, можно называть ее утопией, социальной мифологией, тоталитарной идеологией и т.п. Однако является фактом, что эта устремленность была реальной и мощной силой социально-экономического и культурного развития общества, осуществления принципов социальной справедливости, победы над фашистской Германией. Противостоящие сталинизму варианты социально-экономических преобразований, исходившие от Л.Д.Троцкого и от Н.Л.Бухарина, значительный ряд альтернативных конкретных решений (например, гомановский проект первого пятилетнего плана) обеспечивали более успешное продвижение вперед и, что особенно важно, без тех неизмеримых человеческих и материальных потерь, которые понесло советское общество под руководством И.В.Сталина.

Сталинская "революция сверху" в 1927—1929 гг. утвердила в стране авторитарный, жестко централизованный режим, существование которого обеспечивалось беспощадностью и массовыми масштабами репрессий. Командно-репрессивное управление внутри коммунистической партии и системы Советов сосредоточивало всю власть в руках одного человека — генерального секретаря и практически лишало всю систему политических организаций какой бы то ни было инициативы и самостоятельности, способности занять самостоятельную позицию, активно противостоять разрушительным тенденциям, если они исходили изнутри — особенно от высших звеньев управления, включая генсека. Отмеченная особенность политической системы сыграла роковую роль и в сталинской "революции сверху" 1927—1929 гг., и в массовых репрессиях 30-х годов, и в падении советского общества на рубеже 80—90-х годов.

С начала и до конца своего существования сталинская организация партийно-государственного управления была носителем и источником институционального кризиса, находившем выражение в постоянной "чрезвычайщине", переходящей от преодоления одного "кризиса" к другому, никогда не прерываясь и требуя репрессий для расправы с "врагами народа" и для "подстегивания" самого народа.

Созданная под флагом ускоренного решения проблем модернизации экономики командно-мобилизационная система управления превратилась в тормоз социально-экономического и культурного развития страны в целом. С особой силой это проявилось в условиях научно-технической революции и перехода в информационную эпоху, потребовавших действительно новых решений экономических и общественных проблем, в частности устранения консервативного, по своей сущности, идеологического контроля. Как

известно, Н.С.Хрущев, решительно ограничивший деятельность репрессивного механизма, потерпел поражение, когда замахнулся на партийно-государственную систему управления. Не менее показательной была судьба "реформы Косыгина": выяснившаяся необходимость начинать экономические реформы с коренной перестройки командной системы управления исключила возможность их практической реализации. Понимание сложившейся ситуации объясняет широкое восприятие и активную поддержку советским обществом первых девизов горбачевской политики — "Ускорение.. Гласность... Перестройка..." Для основной массы советского населения (обозванной вскоре "совками") это была политика замены административно-командной системы управления подлинно социалистической системой демократии сверху донизу. Коллапса ни в экономике, ни в социальной системе, ни в культуре не было. Развитие продолжалось, поэтому горбачевская политика (до осени 1998 г.) воспринималась обществом как искренняя и реальная. Однако за существовавшей системой управления стоял выросший и набравший силы класс управляющих, эгоистические интересы которого давно уже приобрели самодовлеющее значение.

О возможности формирования нового класса управляющих из советской бюрократии и опасности термидора предупреждал Л.Д.Троцкий в середине 20-х годов. Развязанная в 1926—1927 гг. И.В.Сталиным травля левой оппозиции с достаточным основанием воспринималась Л.Д.Троцким как начало термидорианского переворота. В написанной тогда (но не опубликованной) статье "Термидор" Троцкий сформулировал два важных вывода об особенностях социально-политических сдвигов, наметившихся в послереволюционном развитии правящих слоев советского общества. Первый из них констатировал уже начавшийся реальный процесс: "можно сойти на термидорианские позиции даже со знаменем коммунизма в руках". Второй вывод с удивительной точностью предугадывал предстоящее развитие еще только начинавшегося процесса: термидор "есть особая форма контрреволюции, совершаемой в рассрочку, в несколько приемов, и использующей для первого этапа элементы той же партии — путем их перегруппировки и противостояния"¹.

В 1936 г. Троцкий вновь возвращается к проблеме "советского термидора", т.е. термидора в рамках советской политической системы. Речь шла об уже состоявшемся торжестве "термидорианской бюрократии", возглавляемой Сталиным. И хотя "у нового правящего слоя скоро оказались свои идеи, свои чувства и, что еще важнее, свои интересы", это была все же промежуточная — "советская" стадия термидорианского переворота. Касаясь персонального состава "советских тер-

¹ Коммунистическая оппозиция СССР. 1923—1927 гг. Сб. документов / Сост. Ю.Фельштинский. Chaldize Publication, 1988. Т. 4. С. 15, 18.

мидорианцев" 30-х годов, Троцкий писал: "Эти люди не могли бы совершить Октябрьской революции. Но они оказались как нельзя лучше приспособлены, чтобы эксплуатировать ее"¹.

Троцкий продолжал еще надеяться на возможность нового революционного подъема в историческом процессе и, соответственно, нового столкновения сил революции и контрреволюции, которое в конечном счете определит будущее развитие советского общества. Поэтому и судьба сталинской бюрократии рассматривалась им в "двух гипотетических вариантах будущего". Ни один из них не состоялся и мы не стали бы о них упоминать, если бы в прогнозах Троцкого не оказалось и третьего варианта, реально состоявшегося в нашей истории. Этот прогноз мы приведем полностью: "Допустим, однако, что ни революционная, ни контрреволюционные партии не овладевают властью. Бюрократия по-прежнему остается во главе государства. Социальные отношения и при этом условии не застынут. Никак нельзя рассчитывать и на то, что бюрократия мирно и добровольно откажется- от самой себя в пользу социалистического равенства. Если сейчас, несмотря на слишком очевидные неудобства подобной операции, она сочла возможным ввести чины и ордена, то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс"².

Л.Д.Троцкий остается еще слишком одиозной фигурой в сознании нынешних и сталинистов, и либерал-демократов. Поэтому стоит привести наблюдения и прогнозы независимого свидетеля со стороны французского писателя Андре Жида, побывавшего в Советском Союзе по приглашению Союза писателей в июле—августе 1936 г. По возвращении в Париж он опубликовал одну за другой две небольшие книги: "Возвращение из СССР" и "Поправки к моему "Возвращению из СССР". Вот свидетельства из этих произведений:

"Есть мнение, что жертвой этой бюрократии, созданной сначала для управления, а потом для угнетения, стал сам Сталин. Нет ничего более трудного, чем лишить синекуры бездарных бездельни-

¹ Троцкий Л.Д. Преданная революция М, 1991 С. 80, 81.

² Там же. С. 210.

ков. Уже в 1929 г. Орджоникидзе ужасало это "громадное количество дармоедов", которые ничего не хотят знать о настоящем социализме и работают только для того, чтобы помешать его развитию и успеху.. Но чем никчемнее эти люди, тем более Сталин может рассчитывать на их рабскую преданность, потому что привилегированное положение — им как подарок. Само собой разумеется, что именно они горячо одобряют режим. Служа интересам Сталина, они одновременно служат своим собственным интересам..."

"...Я с тревогой слежу за тем, как в нынешнем СССР эти буржуазные инстинкты косвенно поощряются... И мы видим, как снова общество начинает расслаиваться, снова образуются социальные группы, если уже не целые классы, образуется новая разновидность аристократии. Я говорю не об отличившихся благодаря заслугам или личным достоинствам, а об аристократии всегда правильно думающих конформистов. В следующем поколении эта аристократия станет денежной"¹.

В 50-х годах Милован Джилас со всем основанием говорил о советском управленческом аппарате как уже о вполне сложившемся господствующем "новом классе". Огромную роль в этом превращении сыграли массовые репрессии второй половины 30-х годов, являвшиеся расправой с остатками большевизма, а тем самым и с возможностями творческого развития социалистических идей, живого творчества новых форм жизни.

Признание генсека "вождем" и тем самым единственным источником новой мысли, идеологическая дисциплина, немедленная и беспощадная расправа с инакомыслием как ревизионизмом стали основным законом формирования, функционирования и самосохранения правящего класса. Как отметил А.Жид, "то, что Сталин всегда прав, означает, что Сталин восторжествовал над всеми"².

Поскольку в довольно интеллектуальной среде первого большевистского руководства первый генсек был посредственностью, постольку его окружение (политбюро, секретариат и т.д.) путем аппаратного отбора формировалось из посредственностей по отношению лично к нему. На их фоне первый генсек был почти "гением". Но следующий генсек вышел уже из среды этого окружения и создавал себе новую среду, которая смотрела на него как на самый высокий источник мысли. С начала 30-х годов советское руководство развивалось по закону снижающегося уровня посредственности (некоторые колебания в уровне общей и политической культуры, например, появление Ю.В.Андропова между Л.И.Брежневым и К.У.Черненко не меняет общей картины). У посредственности же нет никаких

¹ Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики. Возвращение из СССР. М., 1990. С. 541—542, 583—584.

² Там же. С. 548.

идей и стремлений общественного значения. Бе духовный мир ограничен эгоистическими интересами карьеризма и присвоения.

Советское общество на последнем этапе своего существования увидело не только аппаратчиков разных степеней, но и высшее руководство, включая партийных секретарей обкомов, республиканских ЦК и даже генсеков, отличавшееся стяжательством, чуждое социальному равенству и коллективизму, фактически отрицавшее социализм. В этом отношении, конечно, предел внутреннего перерождения был продемонстрирован последним генсеком и его наследниками, поделившими власть после распада СССР.

В исследованиях западных авторов отнюдь не социалистического толка в характере "седьмого секретаря" отмечаются такие черты, как "всепоглощающее властолюбие" и желание "играть все главные роли одновременно". Особенность "горбачевского стиля: мнимая откровенность и реальная ложь". Постоянные "изгибы генеральной линии", ее "противоречивость", смена "одних решений прямо противоположными". Горбачевское правление (1985—1990 гг.) дало "очевидный для всех итог: неудача экономических реформ, углубление кризиса народного хозяйства, обострение национальных конфликтов, возникновение центробежных стремлений, пробуждение социального недовольства и т.д. Внутренняя политика М.С.Горбачева обернулась крахом. Все его успехи — внешнеполитические". Отмечаются "дары" М.С.Горбачева Западу, которые "иногда кажутся чрезмерными и приводят в замешательство западную дипломатию"¹. (Последняя странность может объясняться тем, что генсек КПСС демонстрировал "новое мышление", которым западная дипломатия — и не только она — не обладала, не обладает и обладать не будет.)

Социалистическая риторика М.С.Горбачева была всего-навсего данью положению генсека компартии, стоящей у власти. Его неискренность выявилась довольно скоро. Поэтому никто не удивился тому, что после августа 1991 г. социалистическая риторика у М.С.Горбачева начисто исчезла. Поведение М.С.Горбачева во время судебных процессов по делу КПСС, по делу ГКЧП, по делу отказавшегося от амнистии генерала В.И.Варенникова поставило под сомнение всю его деятельность не только в качестве генсека, но и до избрания генсеком. И думается, что именно поэтому "феномен Горбачева", вызывавший в конце 80-х годов всеобщий интерес, трансформировался всего лишь в "загадку Горбачева", разгадывать которую никому не интересно². В 1999 г. Горбачев-фонд оказался одним из организаторов международного симпозиума, посвящен-

¹ См.: Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. Л., 1991. С. 375—395, 402—403 и др.

² См.: Lewin M. The Gorbachev Phenomenon Berkley, Los Angeles University of California Press, 1989, Лигачев Е. К. Предостережение. М., 1998. С. 3—4.

ного организации следствия для процесса над мировым коммунизмом" (вместе с крайне правым итальянским политическим деятелем Берлускони). Здесь уже нет и "загадки".

Когда-нибудь появятся исследования роли аппарата в переходе от советской к постсоветской системе. Эти исследования объяснят один из феноменов происшедшей "революции сверху": из партаппарата вышла большая часть вождей и идеологов новой "демократии", из партийной прессы, громившей когда-то "ревизионистов" и "очернителей", — "демократические" журналисты, с яростью набросившиеся на марксизм, социализм и советы, из идеологов "развитого социализма" — идеологи первоначального накопления капитала, из партийных, комсомольских и советских работников — первые когорты частных предпринимателей... Аппарат реализует свою монополию на управление экономикой, на систему общественных связей в целом. По данным социологических исследований, в составе "новых русских", т.е. формирующейся буржуазии, 61% составляют бывшие работники партийного, комсомольского и советского аппарата. (В действительности их удельный вес значительно выше.)

Не случайно одним из первых социально-политических сдвигов после 1991 г. явилось удвоение численности чиновничьего аппарата (на деле больше, чем удвоение: в 1990 г. в Советском Союзе их насчитывалось 700 тыс. чиновников, в 1997 г. только в Российской Федерации — около 1200 тыс.). Правящий класс, чтобы укрепить свои позиции в обществе, умножил свои ряды путем подкупа и приобщения к привилегиям. Ликвидация советской бюрократической системы управления была осуществлена бюрократией и заменена еще более бюрократической системой. Вот почему я не могу согласиться с определением событий 1991 г. как "капиталистической революции", а тем более как "демократической революции" и предпочитаю пользоваться определением "термидорианский переворот", с добавлением указаний — "второй" или "антисоветский", завершавший "первый" или "советский термидор", который был делом И.В.Сталина¹. Именно термидорианский характер переворота объясняет ту "удивительную легкость, с которой коммунистические элиты уступили власть", о чем часто пишут и в наши дни. Удивляться здесь нечему — власть просто перешла "в правую руку из левой руки" той же самой "элиты".

Сбылось пророчество А.Жида: в авангарде ликвидаторов советской системы и организаторов первоначального накопления капитала

¹ Определение "термидорианский переворот" применительно к происходившему в 1991—1993 гг можно было встретить в левой прессе того времени, однако сколько-нибудь конкретной разработки эта тема не получила, а ее взаимосвязь с наследием сталинизма не только не раскрывалась, но и отрицалась. Тем более важно отметить появление очень интересного исследования венгерского историка Томаша Крауса "Сталинский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота. 1917-1928" (Будапешт, 1997)

оказались внучата борцов за победу социалистической революции и уничтожение капитализма, бывшие до 1991 г. "передовыми идеологическими борцами за построение коммунизма". Первое и самое массовое ограбление населения России посредством введения "демократической свободы" цен в январе 1992 г. было проведено внуком одного из самых лихих ЧОН'овских командиров — Голикова, отличавшегося особой беспощадностью при подавлении крестьянских повстанческих движений в 1920—1922 гг. на Тамбовщине и в Сибири. Другой большевистский внучек по отчеству Владиленивич (Владими́ро-Ленинович!) — очень характерная фигура комсомольского говоруна, способного утопить в пустословии любое дело и в то же время выполнить любое поручение, не задумываясь о его последствиях. В августе 1998 г. совместно с группой финансово-номенклатурных олигархов (Е.Т.Гайдар, А.Б.Чубайс и др.) он провел операцию по организации финансового кризиса, от разорительных последствий которого Россия избавится не скоро... Не нарочита, конечно, но и не случайна *буквальность совпадения* первых социально-экономических действий российских термидорианцев в 1992 г. с решениями Термидорианского конвента во Франции 1794 г., отменивших "максимум" — принудительную таксацию цен и заработной платы, иначе говоря, ликвидировавших социальные завоевания трудящегося населения в первые годы Французской революции.

Не стану продолжать примеры большевистских внучат и партноменклатурных сынков, ставших идеологами и практиками первоначального накопления капитала посредством разрушения созданного их дедами и отцами советского общества. Однако об этом свидетельстве сарказма истории нельзя забывать при анализе и большевизма периода революции, и формирования правящего класса советского общества, и, наконец, той "революции сверху", которая была проведена этим классом на рубеже 80-х и 90-х годов. Названные мной Е.Т.Гайдар и С.В.Кириенко выделяются не только особой наглядностью перерождения из "боевых пропагандистов" марксизма и социализма в самых решительных реставраторов власти капитала ("крепко зажмурил глаза", чтобы не видеть очевидных последствий), отличающихся все той же "идейной неприемлемостью". Они оба теперь выступают в числе организаторов самой правой партии, оба истерично требуют запрещения коммунистической партии... (А один из бывших редакторов журнала "Коммунист" и газеты "Правда" Гайдар в июне 1999 г. выступает с требованием проведения международного суда над коммунизмом.)

Главное для понимания совершившегося переворота состоит, конечно, не в особенной красочности поведения конкретных внучат, их яростной ненависти к марксизму, социализму, советам — ко всему наследию большевизма, и тем самым к своим дедам, а в том,

что их активная роль в событиях 1991—1998 гг. также свидетельствует о *буквальной точности* определения названных событий как термидорианского переворота. Специфика этого события в России состоит, во-первых, в том, что его деятелями были внуки участников революции, а не сами участники, как это случилось 9 термидора во Франции. Во-вторых, термидорианцами во Франции были правые, учинившие расправу над левыми, у нас же ими оказались лица, перешедшие из рядов крайне левых активистов в крайне правые, т.е. совершившие внутреннюю "самотермидоризацию".

Такие превращения бесследно не проходят. У одних из "самотермидорианцев" они порождают презрение и даже ненависть к стране, видевшей и испытавшей на себе их превращения (известное интервью А.Коха не единственное свидетельство этому). У других — стремление навести в этой стране "порядок" и преподать ей урок рыночной демократии посредством право-либеральной автократии. У многих, если не у всех, формируется свой, особенный язык: себя они называют "элитой", свое поведение определяют, не стесняясь, словом "наглость", свое отношение к "толпе" — словом "цинизм"... На нашем симпозиуме (15 января 1999 г.) аудитории довелось слышать гайдаровского профессора В.А.Мау, разъяснявшего, что "цинизм является средством утешения пострадавших..." Циничным было само по себе это "разъяснение", ибо всем известно, что за словом "цинизм" стоят наглость и пренебрежение к пострадавшим... Этот "новояз" характеризует, конечно, уровень культуры нового правящего клана, но еще больше его действительную роль в политической жизни, его истинную "демократичность".

Возобновляющийся процесс первоначального накопления капитала принимает весьма специфический характер. "Предпринимателей", вышедших из чиновничьего аппарата и криминальной среды, меньше всего занимает организация производства, позитивная деятельность вообще. Конечно, деятели первоначального накопления капитала в старой России — Разуваевы, Раздеваевы, Обираловы, Загребавловы, Колупаевы и как их еще тогда именовали — не были чужды грубых форм присвоения, вплоть до уголовных, однако в массе своей они торопились перевести накопленные средства в дело, дающее устойчивый и законный доход, превратить их в капитал. В "Деле Артамоновых" Максим Горький нарисовал реальную и типичную картину перехода от примитивного накопления к действительному предпринимательству, к созданию полезного для общества нового производства.

В постсоветской России первоначальное накопление капитала сопровождается не созданием, а разрушением созданного обществом производства. Основными источниками частного накопления стала нажива современных Загребаловых и Обираловых на спекуляции,

присвоение государственных ресурсов и прочие способы получения прибыли "из воздуха", т.е. криминальными средствами. Идущие один за другим скандалы рисуют правящую ныне бюрократию прежде всего и главным образом как идеологов и практиков первоначального накопления капитала, осуществляемого посредством массового обмана — "ваучеризации" и финансовых "пирамид", захвата государственных предприятий на лжеаукционах, взяток и т.п. Не случайно такой знаток современного капитализма, каким является ДжСорос, определяет экономическую систему нынешней России как "грабительский капитализм", созданный "правящей номенклатурно-финансовой олигархией". Из этих слов, произнесенных на лекции в Москве осенью 1997 г.,

либеральная пресса позаимствовала только указание на наличие в России "финансовых олигархов" и даже объявила им "войну". Однако и в упомянутой лекции, и в выступлении затем на II Американско-российском инвестиционном симпозиуме в Бостоне (январь 1998 г.) Дж.Сорос говорил именно о "нынешней российской политической элите", а проведенную ею ваучерную приватизацию квалифицировал как незаконный, криминальный передел собственности.

К сожалению, все эти определения очень точны. Ваучерная приватизация, проведенная в 1992—1996 гг., ничего не дала обществу. Доход от приватизации принадлежавшего обществу имущества составлял всего 0,13—0,16% в общем доходе бюджета за названное пятилетие. Распродажа предприятий приводила к сокращению или даже к полному прекращению инвестиций при возрастающем из года в год вывозе капитала за границу. Такого рода экономические "реформы" беспрецедентны в истории.

Началось резкое сокращение и прямая ликвидация производства. За "пятилетку" приватизации уровень промышленного производства в России снизился на 51%, причем в легкой промышленности — в 6 раз, в машиностроительной промышленности — в 2,5 раза. В свое время критики советской экономики вполне справедливо отмечали недостаточное развитие легкой промышленности и гипертрофию военно-промышленного комплекса. Требование конверсии производства ВПК занимало видное место в программах перестройки, а затем постсоветских реформ. На деле же практически разрушенными оказались именно те отрасли промышленности, которые работали на нужды населения. В гораздо меньшей мере пострадал ВПК, поскольку рыночная цивилизация нашего времени остается в значительной мере милитаризованной и продукция ВПК находит сбыт на мировом рынке. (Продукция ВПК сократилась "только" вдвое¹, а следовательно, масштабы падения машиностроения в России вполне сопоставимы с падением легкой промышленности.)

¹ См.: *Симонов Н.С.* Создание в СССР военной промышленности и формирование советского ВПК (1920—1950 гг.): Автореф. докт. дисс. М., 1999. С. 37.

В крайне тяжелом положении оказалось сельское хозяйство России, явившееся первым объектом деятельности постсоветских реформаторов. Попытки вполне по-сталински за три месяца или хотя бы за год заменить колхозы и совхозы "фермерскими" хозяйствами столкнулись с всеобщим сопротивлением крестьян, создавшим из основных сельскохозяйственных районов "красный пояс" России. Это сопротивление вынудило реформаторов формально ограничиться переименованием колхозов и совхозов в "акционерные общества" и разного рода "товарищества". "Фермерские" хозяйства дают сейчас не более 2% сельскохозяйственной продукции.

Динамика сельского хозяйства стала определяться не столько прямыми преобразовательными действиями администрации (хотя и они имели место в Нижегородской, Саратовской и некоторых других областях), сколько общей экономической политикой — "свободой цен", невыплатой средств из бюджета и т.п. Достаточно сказать, что за 1992—1993 гг. закупочные цены на мясо выросли в 45 раз, на молоко — в 63 раза, но на бензин — в 324 раза, на трактора — в диапазоне от 828 до 1344 раз... Исторические оковы на сельском хозяйстве России неизмеримо потяжелели.

Разрушительные процессы в сельском хозяйстве сразу же проявились в состоянии его материально-технической основы. Если в 1990 г. сельскохозяйственные производители России приобрели 148 тыс. тракторов, что обеспечивало не только амортизацию, но и рост технической оснащенности, то в 1994 г. — всего 30 152, в 1995 г. — 14 808, в 1996 г. —

12 861. Так же быстро сокращалось поступление в сельское хозяйство грузовых автомобилей, комбайнов и другой техники.

Производство продуктов питания в России неизменно сокращалось. В расчете на душу в год хлебных изделий производилось 123 кг в 1990 г. и 58 кг в 1997 г., мяса (промышленная выработка) — 44 и 10 кг, цельномолочной продукции — 140 и 34 кг, масла животного — 5,6 и 2 кг, масла растительного — 7,8 и 4,7 кг соответственно. Единственным исключением оказалось производство картофеля, которое выросло с 208 кг на душу населения в 1990 г. до 251 кг в 1997 г. Этот рост — показатель именно ухудшения питания основных масс населения. Импорт заграничной продукции в какой-то мере покрывал снижающееся производство до 1997 г. Обвал 1998 г., когда валовой сбор зерна снизился до 47,8 млн т — на 46,1% меньше, чем в предыдущем году (88,6 млн т), привел не только к обращению за благотворительной помощью к другим странам, но поставил под сомнение способность страны справиться с сельскохозяйственными работами 1999 г. Разрушительный процесс в 1991—1999 гг. превзошел масштабы падения сельскохозяйственного производства, пережитые Россией когда-либо в прошлом — и в первой мировой, и в гражданской войне, и в сталинской коллективизации, и в гитле-

ровском нашествии, а его восстановление будет неизмеримо труднее и потребует гораздо больших усилий и времени.

Хищническому характеру накопления и использования капиталов способствовало странное по своей бездумности принятие монетаристской концепции как руководства для реформаторской политики российского правительства. Рецепты "чикагской школы", может быть, и полезны "где-то там", где развитие экономики обеспечено растущим производством и речь идет о более эффективной организации денежного обращения. В связи с этим уместно вспомнить о пушкинском Евгении Онегине, который "читал Адама Смита" и "Умел судить о том, // Как государство богатеет. // И чем живет, и почему // Не нужно золота ему, // Когда *простой продукт* имеет". Но в 1992—1998 гг. доктора и кандидаты экономических наук, оказавшиеся в российском правительстве, вдруг перестали понимать элементарные начала классической политэкономии. Возражения и протесты со стороны ученых и практиков против монетаризма экономической политики отбрасывались как несовременные и паникерские.

Потребовалась финансовая катастрофа и смена правительства в августе—сентябре 1998 г., чтобы и в экономической политике государства, и в либеральной прессе вспомнили, наконец, о производстве и признали, что "обвальная" экономическая реформа, проводившаяся монетаристами, означала катастрофический распад всех отраслей народного хозяйства, с особенной силой проявившийся в отраслях, непосредственно связанных с нуждами населения — в сельском хозяйстве и легкой промышленности. О производстве вспомнили тогда, когда его разрушение привело страну в катастрофическое состояние, когда отставание в экономическом развитии от передовых стран неизмеримо возросло.

Деятельность правительства Примакова—Маслюкова, казалось бы, засвидетельствовала возможность восстановления промышленного производства. Для начала и это было бы неплохо: согласно официальным данным Госкомстата РФ, за время с октября 1998 г. по март 1999 г. объем промышленного производства вырос на 23,8%. С.Ю.Глазьев счел возможным говорить в связи с этим даже об "экономическом чуде"... Его объяснение возникновения восстановительной тенденции в промышленности России за указанное полугодие вполне убедительно: "благодаря надеждам на политическую стабильность" и отказа от грубых форм монетаризма — от взвинчивания цен на энергосистемы и "услуги" естественных монополий, транспортных тарифов и процентных ставок на кредиты (а соответственно, от организации новых финансовых пирамид)¹. Все это действительно открывало возможность для возобновления производ-

¹ См.: Завтра. 1999. Май. № 21.

ственного процесса на остановленных предприятиях. С.Ю.Глазьев отмечает, что рост производства был достигнут в основном за счет собственных средств предприятий, что серьезным барьером при этом являлся "низкий спрос обнищавшего населения"¹. Но "чуда" не было. Просто созданная в советское время промышленность еще не разрушилась полностью, ее технические средства и производственные кадры еще могут работать. Действительный рост производства за полугодие Примакова—Маслюкова составил 23,5% к уровню *предшествующего полугодия* — к уровню *наибольшего* (пока!) *упадка*. По отношению к уровню производства 1990 г. это "чудо" едва ли выходило за рамки подъема с 15—18% до 18—20%. На деле была всего лишь продемонстрирована еще сохранившаяся способность промышленности к возобновлению производства, к восстановлению.

Для мировой экономики 90-е годы были временем ускоряющегося роста и перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии, для России же это были годы экономической разрухи. Неудивительно, что практическое руководство топливно-энергетическим комплексом — важнейшей отраслью народного хозяйства, являющейся основой не только экономического роста страны, но и жизнеобеспечения населения, приходит к выводу о том, что "Россия в обозримом будущем претендовать на роль экономически развитой, промышленной страны объективно не сможет"².

Дело, однако, не ограничивается экономикой. Режим "новых русских" проводит коренную ломку созданных еще революцией действительно социалистических укладов, прежде всего системы общего и бесплатного здравоохранения, обязательного и бесплатного всеобщего школьного образования, системы социальной защиты населения... Стало фактом катастрофическое снижение общеобразовательного, культурного и особенно научного уровня развития российского общества. А.И.Солженицын имел все основания заявить на Общем собрании Российской академии наук 2 июня 1999 г.: "Еще никогда за три века своего существования на Руси наука не была покинута в таком пренебрежении и даже нищете"³.

В конце XX в. Россия вновь оказалась страной зависимого развития (катастрофически нарастающие долги западным банковским корпорациям, продовольственная помощь и т.п.). Вывод о том, что с ликвидацией "второго мира", центром которого был Советский Союз, Россия вернулась в бывший "третий мир" — в разряд развивающихся стран уже сделан. Но современные развивающиеся

¹ См.: Завтра. 1999. Май. № 21.

² См.: *Шафранник Ю.К.* Россия грозит потеря экономической независимости // Независимая газета (НГ-Политэкономика). 1999. № 2. Февр.

³ См.: *Солженицын А.И.* Наука в пиратском государстве // Независимая газета. 1999. 3 июня.

страны очень различны: среди них есть и "почти развитые", и отнесенные ЮНЕСКО и ВОЗ к группе с "физиологической и интеллектуальной агонией населения" (балл ниже 1,4 в пятибалльной группировке) — Республика Буркина-Фасо, Чад и ряд других на африканском континенте. Бразилия, Аргентина, Китай, Турция, Ирак и Северная Корея получили по 2 балла, а Россия — 1,4 балла. В какую же из групп развивающихся стран попадет Россия?

Не случайно, уже в 1994—1996 гг. на вопрос: "Куда идет Россия?" можно было услышать ответ: "А она никуда не идет. Она просто проваливается в тартарары..." В одних случаях имелась в виду регионализация с последующей балканизацией, в других — прямая колонизация в латиноамериканском или африканском вариантах...¹ В апреле—мае 1999 г. о балканизации как реальной перспективе распада России стала писать едва ли не вся наша пресса.

Разрушение производства в основных отраслях промышленности и в сельском хозяйстве действительно привели к состоянию коллапса экономики в целом. Это само по себе выдвигает на передний план социальные проблемы. Неслыханное по масштабам и темпам ограбление и обнищание населения, массовая безработица (открытая, а еще больше скрытая), многомесечная невыплата заработной платы не только рабочим, но даже учителям и врачам... Растущая из года в год депопуляция страны, как следствие ухудшения питания и здравоохранения.

Народ безмолвствует, и в этом, пожалуй, состоит одно из самых тяжелых последствий сталинского прошлого. Традиции социального равенства, коллективизма и взаимопомощи еще не умерли, но заметно угасают. Об этом, в частности, свидетельствуют и сдвиги в общественном сознании. Оно с удивлением констатирует происходящие в нем перемены: «Мы были отделены "железным занавесом" от всего мира, но были открыты друг другу (минус правящие верхи, ставшие ныне "новыми русскими"). Теперь же мы сломали "железный занавес" и вроде бы соединились со всем миром, но отгородились друг от друга стальными дверями...»

Еще одно характерное размышление последнего времени: «Мы жили за "железным занавесом" и, не зная действительности, верили, что живем в уравнительной нищете. Теперь "занавес" рухнул, и мы увидели у других и познали у себя на собственном опыте настоящую нищету. И теперь знаем, что в советское время мы жили не в нищете, а в уравнительном достатке, хотя и не очень высоком. Системы образования и здравоохранения оставались всеобщими, несмотря на все привилегии "слуг народа". Очереди в магазинах были оттого, что каждый мог купить необходимое. Очереди исчезли сейчас даже в продо-

¹ См.: Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. С. 485.

вольственных магазинах не потому, что продуктов стало больше. Напротив, их стало намного меньше, а цены неизмеримо выше. Среди нас многие теперь не в состоянии купить необходимое...»

И, наконец, совсем недавно: «Нет работы. Нечего есть... Так в этом, оказывается, состоит "школа безработицы", о необходимости которой говорил Гавриил Попов...»

В сложившейся политической системе даже такой яростный противник Советов, как А.И.Солженицын, не находит *"ничего похожего"* на демократию. Оценивая *"нынешнее состояние России"* в 1997 г., А.И.Солженицын называл его *"предгибельным"*. В 1998 г., отказываясь принять от новых властей награду по случаю своего юбилея, он назвал состояние России уже *"гибельным"*...

Сталинский вариант развития советского общества не был единственно возможным и неизбежным, хотя, разумеется, он имеет свое объяснение и в отсталости России, и в сознании необходимости догоняющего развития, и в образовании стоящей над обществом бюрократической командно-репрессивной диктатуры.

Точно так же не был неизбежным и единственно возможным тот разгром социалистических начал, которые сохранялись даже в условиях сталинского и послесталинского времени. Развитие событий в конце 80—90-х годов приобрело катастрофический характер вследствие того, что оно направлялось сверху, руководством той политической системы, которая являлась и является диктатурой бюрократии — основным сталинским наследием, дожившим до наших дней. Именно это придало специфический характер всему тому, что происходит сейчас с нами, с нашим обществом в целом.